

Б. Н. Карипов

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Обосновано, что группы, исповедующие модель самобытного сопротивления, сознательно стараются корректировать модернистскую установку на примат идеологических конструкций над культурой и восстановить статус культуры в политике. Логика существования «граждан мира» и «самобытного сопротивления» является взаимоисключающей, поэтому их сосуществование вряд ли окажется мирным. В этом смысле социокультурный процесс сегодня, как и всегда, детерминирует политическое развитие, а идентичность остается главным фактором изменения политического развития.

Ключевые слова: *социокультурная идентичность, территориальная самобытность, движение экологов, религиозная самобытность.*

Идентичность является одним из главных ныне факторов культуры, воздействующих на политический процесс, и находится в сложной взаимосвязи с общими социальными тенденциями. Идентичность формируется, поддерживается и видоизменяется социальными процессами [1]. Особые социальные структуры порождают типы идентичности. Как пишут П. Бергер и Т. Лукман, в этом смысле можно говорить, что у американца иная идентичность, чем у француза; у ньюйоркца – чем у жителя Среднего Запада; у служащего другая, чем у бродяги и т. д. [2, с. 280]. Проблема идентичности широко обсуждается политологами и социологами, но при всей разности подходов можно выделить две крайние позиции в этом вопросе.

Э. Гидденс, К. Лэш, З. Бауман принадлежат к числу пессимистов. Они утверждают, что мы живем в эпоху кризиса идентичности, наш век – это век «чистых отношений», в которые вступают ради них самих, ради того, что каждый может извлечь, и потому они могут быть прекращены, более или менее произвольно, любым из партнеров в любой момент. Навязать идентичность отношениям, которые сами «развязаны», невозможно [3, с. 58–137]. На смену миру, сконструированному из долговременных объектов, приходят дешевые изделия, спланированные для краткосрочного использования. В таком мире разные идентичности можно при необходимости принимать и сбрасывать как при смене наряда [4, с. 32–38]. Ключевым словом в отношении идентичности в эпоху постмодерна З. Бауман считает «вторичное использование». Если материальным носителем модерна была фотобумага и желтые страницы неуклонно распухавших семейных альбомов, которые отражали медленное приращение необратимых и неизгладимых событий становления идентичности, то носителем постмодерна стала видеокассета с магнитной лентой, записи на которой можно стирать и перезаписывать. Если в новые времена главной заботой в связи с идентичностью была забота о дол-

говечности, то сегодня заботятся о том, как уклониться от обязанностей. Если модерн строился из бетона и стали, то постмодерн из вырожденной органики – пластмассы [5, с. 133–134]. З. Бауман полагает, что в эпоху постмодерна возникли особые жизненные стратегии, направленные на то, чтобы «избавиться» от всякой идентичности. Это четыре основных типа – *фланер, бродяга, игрок, турист.*

Фланер – это мастер имитации своего времени, пофланировать – все равно, что сходить в театр, побыть среди посторонних и быть посторонним для них, быть в толпе, но не принадлежать ей. Фланер мнит себя драматургом и режиссером, который держит в своих руках нити жизней других людей, но не вторгается и не нарушает их судьбы. Он ведет жизнь «как если бы» и «как если бы» участвует в жизни других людей. Он создает полностью приватный, безопасный, замкнутый и защищенный от вторжений мир одинокой монады, где физическое присутствие посторонних не скрывает и не нарушает их психическую недосыгаемость.

Бродяга – это человек «без места», продвижение его непредсказуемо, он сам не знает да и не хочет знать, куда он двинется завтра. Куда бы ни приходил бродяга, он везде чужой, его зовут новые, еще не освоенные места. Стратегия «безместности» имеет свою прелесть – «пока, а там посмотрим» и тем самым оставляет свободу выбора. Сегодня бродягами становятся не от неприспособленности к оседлой жизни, а из-за малочисленности мест, где можно осесть. Сам мир превращается в бродягу, мир сам себя перекраивает по мерке бродяги.

Турист – это человек, который сознательно и систематически ищет приключений, новых переживаний, хочет погружения в незнакомую, экзотическую атмосферу. Туристский мир целиком и полностью структурируется по эстетическим критериям. То, что турист готов купить и за что он платит, можно определить как право не скучать и

свободу от всего, кроме эстетического измерения. В отличие от бродяги у туриста есть дом, что входит в «предохранительную упаковку», как место, где можно отдохнуть от приключений. Безмятежность домашнего уюта гонит туриста искать новых приключений.

Игрок – это человек, которого привлекает мир рисков, интуиции и мер предосторожности. Игра похожа на войну, но это война, которая не оставляет ни душевных ран, ни злобы. В игре сам мир играет. Везение и невезение – лишь ходы играющего мира. Игра освобождает от угрызений совести. Отличительная черта взрослых людей эпохи постмодерна – охота полностью отдаться игре, как это делают дети [5, с. 143–150].

Политическая неполноценность всех четырех стратегий состоит в том, что *фланер, бродяга, игрок, турист* склонны перекладывать все моральные и иные обязательства с самих себя на конструируемые и управляемые обществом надиндивидуальные организации либо топить ответственность в глубинах бюрократического безличного правления. Свой долг постмодерновый гражданин видит в том, чтобы вести приятную жизнь, государство же обязано предоставить своим гражданам средства, которые необходимы для ведения такой жизни.

Поэтому теоретики постмодернизма, разделяющие такую точку зрения на пути эволюции идентичности, полны пессимизма и говорят о кризисе общества и личности.

Прямо противоположную позицию занимают М. Кастельс, Р. Инглегарт, С. Московичи и А. С. Панарин. Они отмечают, что кризис легитимности, лишивший институты индустриальной эпохи их смысла и функций, напротив, постепенно приводит к становлению мощной «самобытности сопротивления», которое находит себе опору в ценностях сообщества и не поддается напору глобальных тенденций и радикального индивидуализма. Такая самобытность строит свое сообщество на традиционных ценностях Бога, нации и семьи, возводя укрепления вокруг своего лагеря, созданного по этническому и территориальному признакам. Но самобытность сопротивления не ограничивается традиционными ценностями, поскольку она строится также при помощи проактивных социальных движений (прежде всего экологического, территориального, женского), утверждающих свою самостоятельность через общинное сопротивление [6, с. 298–299].

Вовлеченные в движение сопротивления сообщества защищают свое пространство, свое место от безродной логики пространства потоков, характеризующей социальную доминанту информационного века. Они дорожат своей исторической па-

мятью, утверждают значение своих ценностей в борьбе против распада истории. В католических странах от Америки до Польши церковь играет весьма важную роль, несмотря на то, что постмодернисты ее не раз уже хоронили. В исламском мире фундаментализм стал таким фактором, который не могут игнорировать ни Восток, ни Запад. Регион Восточной Азии, где распространено конфуцианство, по темпам экономического развития превосходит все другие части планеты, без учета культурных факторов объяснить эти явления невозможно [7, с. 250–251]. Формы самобытного сопротивления возникают не из прежней самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из сопротивления сообществ. Перечислим основные формы самобытного сопротивления.

1. *Территориальная самобытность*. Она является основным фактором активизации местной политической власти. Город и муниципальная власть вернулись на политическую арену и стали характерной чертой политического процесса.

2. *Движение экологистов*. Это движение переходит от защиты своей собственной среды, здоровья и благосостояния к экологической ориентации на интеграцию человека и природы на основе социально-биологической самобытности видов.

3. *Религиозная самобытность*. У религиозных сообществ развиваются фундаменталистские движения, направленные на возрождение общественной морали наряду с вечными, божественными ценностями и на их распространение во всем мире (или среди ближайших соседей), с тем, чтобы сделать их сообществом верующих, создав тем самым новый социум.

Теоретики постмодернизма считают, что субъектами политического процесса в информационном обществе будут не партии и профсоюзы, а преимущественно самобытно ориентированные сообщества людей – экологисты, феминистки, религиозные фундаменталисты, националисты, местные движения.

На наш взгляд, существуют две противоположные тенденции в развитии процессов идентичности. Одна из этих тенденций приводит к существованию глобальной элиты *граждан мира* со стертыми признаками социокультурной идентичности, это и есть *фланеры, туристы, бродяги и игроки*. Другая тенденция ведет к существованию *самобытного сопротивления* людей, которых лишают своих привилегий в культурной, экономической и политической областях. Как пишет А. С. Панарин, «новый экономический человек, обладающий мондиалистским кругозором, т. е. связанный с мировым финансовым капиталом, тем отличается от старого, что уже постиг люциферову тайну,

недоступную для местного населения: он знает, что мировые финансовые структуры росчерком пера могут перечеркнуть муравьиный труд и сбережения десятков миллионов людей, обесмыслить усердие множества поколений» [8, с. 37]. В ответ на это люди стали бережнее относиться к традициям, традиционным укладам и преемственности. Неожиданный экономический подъем Тихоокеанского региона, и в первую очередь «японское чудо», не поддается стереотипным объяснениям теории прогресса. По уровню образования, квалификации, количеству патентов и технологий тихоокеанские драконы по-прежнему уступают Западной Европе и США. Но они использовали культурный фактор, который прежде теоретики модернизации оценивали как тормоз: нарастив-

шую традиционность, аскетическую патриархальную модель, коллективистскую идентичность [8, с. 39].

Группы, исповедующие модель самобытного сопротивления, сознательно стараются корректировать модернистскую установку на примат идеологических конструкций над культурой и восстановить статус культуры в политике.

Логика существования *граждан мира* и *самобытного сопротивления* является взаимоисключающей, поэтому их сосуществование вряд ли окажется мирным. В этом смысле социокультурный процесс сегодня, как и всегда, детерминирует политическое развитие, а идентичность остается главным фактором изменения политического развития.

Список литературы

1. Мелик-Гайказян И. В. Измерение мечты по правилу Льюиса Кэрролла // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 10. С. 202–208.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Изд-во «Медиум», 1995. 323 с.
3. Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992. 216 p.
4. Lasch Ch. The Minimal Self. London: Norton, 1985. 320 p.
5. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
6. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Изд-во «Academia», 1999. 640 с.
7. Ингледарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Там же.
8. Философия истории / под ред. А. С. Панарина. М.: Изд-во «Гардарики», 1999. 432 с.

Карипов Б. Н., кандидат философских наук, доцент.

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Ш. Уалиханова.

Ул. Абая, 76, Кокшетау, Республика Казахстан, 020000.

E-mail: bkaripov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 11.04.2012.

B. N. Karipov

IDENTITY AS SOCIOCULTURAL FACTORS AND ITS INFLUENCE ON POLITICAL CHANGE

This article shows that groups who profess an original model of resistance, consciously trying to adjust the setting on the primacy of the Modernist ideological constructions of culture and restore the status of culture in politics. The logics of the existence of “global citizens” and “original resistance” is mutually exclusive, so their coexistence is unlikely to be peaceful. In this sense, socio-cultural process today, as always, determines the political development, and identity remains a major factor in changing the political development.

Key words: *socio-cultural identity, territorial identity, the movement of environmentalists, religious identity.*

S. S. Ualikhonov Kokshetau State University.

Ul. Abaya, 76, Kokshetau, Republic of Kazakhstan, 020000.

E-mail: bkaripov@yandex.ru